

Бег

Автор:

Михаил Булгаков

Бег

Михаил Афанасьевич Булгаков

«Бег». Знаковое для творчества Михаила Булгакова произведение.

Произведение глубокое, многоплановое и многозначное, в котором судьба поколения, опаленного огнем войны и революции, предстает во всем величии подлинной трагедии.

В книгу также вошли классические, до сих пор не сходящие с театральных подмостков пьесы Булгакова, являющие собой иную грань яркого, масштабного таланта...

Михаил Булгаков

Бег

Восемь снов

Пьеса в четырех действиях

Бессмертье – тихий, светлый берег;

Наш путь – к нему стремленье.

Покойся, кто свой кончил бег!..

Жуковский

Действующие лица

С е р а ф и м а В л а д и м и р о в н а К о р з у х и н а – молодая петербургская дама.

С е р г е й П а в л о в и ч Г о л у б к о в – сын профессора-идеалиста из Петербурга.

А ф р и к а н – архиепископ Симферопольский и Карасу-Базарский, архипастырь именитого воинства, он же химик М а х р о в.

П а и с и й – монах.

Д р я х л ы й и г у м е н.

Б а е в – командир полка в Конармии Буденного.

Б у д е н о в е ц.

Г р и г о р и й Л у к ь я н о в и ч Ч а р н о т а – запорожец по происхождению, кавалерист, генерал-майор в армии белых.

Б а р а б а н ч и к о в а – дама, существующая исключительно в воображении генерала Чарноты.

Л ю с ь к а – походная жена генерала Чарноты.

К р а п и л и н – вестовой Чарноты, человек, погибший из-за своего красноречия.

Д е Б р и з а р – командир гусарского полка у белых.

Р о м а н В а л е р ь я н о в и ч Х л у д о в.

Г о л о в а н – есаул, адъютант Хлудова.

К о м е н д а н т с т а н ц и и.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и.

Н и к о л а е в н а – жена начальника станции.

О л ь к а – дочь начальника станции, 4-х лет.

П а р а м о н И л ь и ч К о р з у х и н – муж Серафимы.

Т и х и й – начальник контрразведки.

С к у н с к и й, Г у р и н – служащие в контрразведке.

Б е л ы й г л а в н о к о м а н д у ю щ и й.

Л и ч и к о в к а с с е.

А р т у р А р т у р о в и ч – тараканий царь.

Ф и г у р а в к о т е л к е и в и н т е н д а н т с к и х п о г о н а х

Т у р ч а н к а, л ю б я щ а я м а т ь.

П р о с т и т у т к а – к р а с а в и ц а.

Г р е к - д о н ж у а н.

А н т у а н Г р и щ е н к о – лакей Корзухина.

Монахи, белые штабные офицеры, конвойные казаки Белого главнокомандующего, контр-разведчики, казаки в бурках, английские, французские и итальянские моряки, турецкие и итальянские полицейские, мальчишки турки и греки, армянские и греческие головы в окнах, толпа в Константинополе.

Сон первый происходит в Северной Таврии в октябре 1920 года. Сны второй, третий и четвертый – в начале ноября 1920 года в Крыму.

Пятый и шестой – в Константинополе летом 1921 года.

Седьмой – в Париже осенью 1921 года.

Восьмой – осенью 1921 года в Константинополе.

Действие первое

Сон первый

Мне снился монастырь...

Слышно, как хор монахов в подземелье поет глухо: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...»

Тьма, а потом появляется скупо освещенная свечечками, прилепленными у икон, внутренность монастырской церкви. Неверное пламя выдирает из тьмы конторку, в коей продают свечи, широкую скамейку возле нее, окно, забранное решеткой, шоколадный лик святого, полинявшие крылья серафимов, золотые

венцы. За окном безотрадный октябрьский вечер с дождем и снегом. На скамейке, укрытая с головой попоной, лежит Б а р а б а н ч и к о в а. Химик М а х р о в, в бараньем тулупе, примостился у окна и все силится в нем что-то разглядеть... В высоком игуменском кресле сидит С е р а ф и м а, в черной шубе.

Судя по лицу, Серафиме нездоровится.

У ног Серафимы на скамеечке, рядом с чемоданом, – Г о л у б к о в, петербургского вида молодой человек в черном пальто и в перчатках.

Г о л у б к о в (прислушиваясь к пению). Вы слышите, Серафима Владимировна? Я понял, у них внизу подземелье... В сущности, как странно все это! Вы знаете, временами мне начинает казаться, что я вижу сон, честное слово! Вот уже месяц, как мы бежим с вами, Серафима Владимировна, по весям и городам, и чем дальше, тем непонятнее становится крутом... Видите, вот уж и в церковь мы с вами попали! И знаете ли, когда сегодня случилась вся эта кутерьма, я заскучал по Петербургу, ей-Богу! Вдруг так отчетливо вспомнилась мне зеленая лампа в кабинете...

С е р а ф и м а. Эти настроения опасны, Сергей Павлович. Берегитесь затосковать во время скитаний. Не лучше ли было бы вам остаться?

Г о л у б к о в. О нет, нет, это бесповоротно, и пусть будет что будет! И потом, ведь вы уже знаете, что скрашивает мой тяжелый путь... С тех пор как мы случайно встретились в теплушке под тем фонарем, помните... прошло ведь, в сущности, немного времени, а между тем мне кажется, что я знаю вас уже давно-давно! Мысль о вас облегчает этот полет в осенней мгле, и я буду горд и счастлив, когда донесу вас в Крым и сдам вашему мужу. И хотя мне будет скучно без вас, я буду радоваться вашей радостью.

Серафима молча кладет руку на плечо Голубкову.

(Погладив ее руку.) Позвольте, да у вас жар?

С е р а ф и м а. Нет, пустяки.

Г о л у б к о в. То есть как пустяки? Жар, ей-Богу, жар!

С е р а ф и м а. Вздор, Сергей Павлович, пройдет...

Мягкий пушечный удар. Барабанчикова шевельнулась и простонала.

Послушайте, madame, вам нельзя оставаться без помощи. Кто-нибудь из нас проберется в поселок, там, наверно, есть акушерка.

Г о л у б к о в. Я сбегаю.

Барабанчикова молча схватывает его за полу пальто.

С е р а ф и м а. Почему же вы не хотите, голубушка?

Б а р а б а н ч и к о в а (капризно). Не надо.

Серафима и Голубков в недоумении.

М а х р о в (тихо, Голубкову). Загадочная и весьма загадочная особа!

Г о л у б к о в (шепотом). Вы думаете, что...

М а х р о в. Я ничего не думаю, а так... лихолетье, сударь, мало ли кого ни встретишь на своем пути! Лежит какая-то странная дама в церкви...

Пение под землей смолкает.

П а и с и й (появляется бесшумно, черен, испуган). Документики, документики приготовьте, господа честные! (Задувает все свечи, кроме одной.)

Серафима, Голубков и Махров достают документы. Барабанчикова высовывает руку и выкладывает на попону паспорт.

Б а е в (входит, в коротком полушубке, забрызган грязью, возбужден. За Баевым – Буденовец с фонарем). А чтоб их черт задавил, этих монахов! У, гнездо! Ты, святой папаша, где винтовая лестница на колокольню?

П а и с и й. Здесь, здесь, здесь...

Б а е в (Буденовцу). Посмотри.

Буденовец с фонарем исчезает в железной двери.

(Паисию.) Был огонь на колокольне?

П а и с и й. Что вы, что вы! Какой огонь?

Б а е в. Огонь мерцал! Ну, ежели я что-нибудь на колокольне обнаружу, я вас всех до единого и с вашим седым шайтаном к стенке поставлю! Вы фонарями белым махали!

П а и с и й. Господи! Что вы?

Б а е в. А эти кто такие? Ты же говорил, что в монастыре ни одной души посторонней нету!

П а и с и й. Беженцы они, бе...

С е р а ф и м а. Товарищ, нас всех застиг обстрел в поселке, мы и бросились в монастырь. (Указывает на Барабанчикову.) Вот женщина, у нее роды начинаются...

Б а е в (подходит к Барабанчиковой, берет паспорт, читает). Барабанчикова, замужняя...

П а и с и й (сатаня от ужаса, шепчет). Господи, Господи, только это пронеси! (Готов убежать.) Святой славный великомученик Димитрий...

Б а е в. Где муж?

Барабанчикова простонала.

Б а е в. Нашла время, место рожать! (Махрову.) Документ!

М а х р о в. Вот документик! Я – химик из Мариуполя.

Б а е в. Много вас тут химиков во фронтовой полосе!

М а х р о в. Я продукты ездил покупать, огурчики...

Б а е в. Огурчики!

Б у д е н о в е ц (появляется внезапно). Товарищ Баев! На колокольне ничего не обнаружил, а вот что... (Шепчет на ухо Баеву.)

Б а е в. Да что ты! Откуда?

Б у д е н о в е ц. Верно говорю. Главное, темно, товарищ командир.

Б а е в. Ну ладно, ладно, пошли. (Голубкову, который протягивает свой документ.) Некогда, некогда, после. (Паисию.) Монахи, стало быть, не вмешиваются в гражданскую войну?

П а и с и й. Нет, нет, нет...

Б а е в. Только молитесь? А вот за кого вы молитесь, интересно было бы знать? За черного барона или за советскую власть? Ну ладно, до скорого свидания, завтра разберемся! (Уходит вместе с Буденовцем.)

За окнами послышалась глухая команда, и все стихло, как бы ничего и не было. Паисий жадно и часто крестится, зажигает свечи и исчезает.

М а х р о в. Расточились... Недаром сказано: и даст им начертание на руках или на челах их... Звезды-то пятиконечные, обратили внимание?

Г о л у б к о в (шепотом, Серафиме). Я совершенно теряюсь, ведь эта местность в руках у белых, откуда же красные взялись? Внезапный бой?.. Отчего все это произошло?

Б а р а б а н ч и к о в а. Это оттого произошло, что генерал Крапчиков – задница, а не генерал! (Серафиме.) Пардон, мадам.

Г о л у б к о в (машинально). Ну?

Б а р а б а н ч и к о в а. Ну что – ну? Ему прислали депешу, что конница красная в тылу, а он, язви его душу, расшифровку отложил до утра и в винт сел играть.

Г о л у б к о в. Ну?

Б а р а б а н ч и к о в а. Малый в червах объявил.

М а х р о в (тихо). Ого-го, до чего интересная особа!

Г о л у б к о в. Простите, вы, по-видимому, в курсе дела: у меня были сведения, что здесь, в Курчулане, должен был быть штаб генерала Чарноты...

Б а р а б а н ч и к о в а. Вот какие у вас подробные сведения! Ну, был штаб, как не быть. Только он весь вышел.

Г о л у б к о в. А куда же он удалился?

Б а р а б а н ч и к о в а. Совершенно определенно – в болото.

М а х р о в. А откуда вам все это известно, мадам?

Б а р а б а н ч и к о в а. Очень уж ты, архипастырь, любопытен!

М а х р о в. Позвольте, почему вы именуете меня архипастырем?

Б а р а б а н ч и к о в а. Ну ладно, ладно, это скучный разговор, отойдите от меня.

Паисий вбегает, опять тушит свечи все, кроме одной, смотрит в окно.

Г о л у б к о в. Что еще?

П а и с и й. Ох, сударь, и сами не знаем, кого нам еще Господь послал и будем ли мы живы к ночи! (Исчезает так, что кажется, будто он проваливается сквозь землю.)

Послышался многокопытный топот, в окне затанцевали отблески пламени.

С е р а ф и м а. Пожар?

Г о л у б к о в. Нет, это факелы. Ничего не понимаю, Серафима Владимировна! Белые войска, клянусь, белые! Свершилось! Серафима Владимировна, слава Богу, мы опять в руках белых! Офицеры в погонах!

Б а р а б а н ч и к о в а (садится, кутаясь в попону). Ты, интеллигент проклятый, заткнись мгновенно! «Погоны», «погоны»! Здесь не Петербург, а Таврия, коварная страна! Если на тебя погоны нацепить, это еще не значит, что ты стал белый! А если отряд переодетый? Тогда что?

Вдруг мягко ударил колокол.

Ну, зазвонили! Засыпались монахи-идиоты! (Голубкову.) Какие штаны на них?

Г о л у б к о в. Красные!.. А вон еще въехали, у тех синие с красными боками...

Б а р а б а н ч и к о в а. «Въехали с боками»!.. Черт тебя возьми! С лампасами?

Послышалась глухая команда де Бризара: «Первый эскадрон, слезай!»

Что такое! Не может быть? Его голос! (Голубкову.) Ну, теперь кричи, теперь смело кричи, разрешаю! (Сбрасывает с себя попону и тряпье и выскакивает в виде генерала Чарноты. Он в черкеске со смятыми серебряными погонями. Револьвер, который у него был в руках, засовывает в карман, подбегает к окну, распахивает его, кричит.) Здравствуйтесь, гусары! Здравствуйтесь, донцы! Полковник Бризар, ко мне!

Дверь открывается, и первой вбегает Л ю с ь к а в косынке сестры милосердия, в кожаной куртке и в высоких сапогах со шпорами. За ней – обросший бородой д е Б р и з а р и вестовой К р а п и л и н с факелом.

Л ю с ь к а. Гриша! Гри-Гри! (Бросается на шею Чарноте.) Не верю глазам! Живой? Спасся? (Кричит в окно.) Гусары, слушайте, генерала Чарноту отбили у красных!

За окном шум и крики.

Л ю с ь к а. Ведь мы по тебе панихиду собирались служить!

Ч а р н о т а. Смерть видел вот так близко, как твою косынку. Я как поехал в штаб к Крапчикову, а он меня, сукин кот, в винт посадил играть... малый в червах... и на тебе – пулеметы! Буденный – на тебе, с небес! Начисто штаб перебили! Я отстрелялся, в окно и огородами в поселок к учителю Барабанчикову, давай, говорю, документы! А он, в панике, взял, да не те документы мне и сунул! Приползаю сюда, в монастырь, глядь, документы-то бабы, женины – мадам Барабанчикова, и удостоверение – беременная! Крутом красные, ну, говорю, кладите меня, как я есть, в церкви! Лежу, рожаю, слышу, шпорами – шлеп, шлеп!..

Л ю с ь к а. Кто?

Ч а р н о т а. Командир-буденовец.

Л ю с ь к а. Ах!

Ч а р н о т а. Думаю, куда же ты, буденовец, шлепаешь? Ведь твоя смерть лежит под попой! Ну приподымай, приподымай ее скорей! Будут тебя хоронить с музыкой! И паспорт он взял, а попону не поднял!

Люська визжит.

(Выбегает, в дверях кричит.) Здравствуй, племя казачье! Здорово, станичники!

Послышались крики. Люська выбегает вслед за Чарнотой.

Д е Б р и з а р. Ну, я-то попону приподыму! Не будь я краповый черт, если я на радостях в монастыре кого-нибудь не повешу! Этих, видно, красные второпях

забыли! (Махрову.) Ну, у тебя и документ спрашивать не надо. По волосам видно, что за птица! Крапилин, свети сюда!

П а и с и й (влетает). Что вы, что вы? Это его высокопреосвященство! Это высокопреосвященнейший Африкан!

Д е Б р и з а р. Что ты, сатана чернохвостая, несешь?

Махров сбрасывает шапку и тулуп.

(Всматривается в лицо Махрова.) Что такое? Ваше высокопреосвященство, да это действительно вы?! Как же вы сюда попали?

А ф р и к а н. В Курчулан приехал благословить донской корпус, а меня пленили красные во время набега. Спасибо, монахи снабдили документами.

Д е Б р и з а р. Черт знает что такое! (Серафиме.) Женщина, документ!

С е р а ф и м а. Я жена товарища министра торговли. Я застряла в Петербурге, а мой муж уже в Крыму. Я бегу к нему. Вот фальшивые документы, а вот настоящий паспорт. Моя фамилия Корзухина.

Д е Б р и з а р. Mille excuses, madame![1 - Тысяча извинений, мадам! (франц.)] А вы, гусеница в штатском, уж не обер ли вы прокурор?

Г о л у б к о в. Я не гусеница, простите, и отнюдь не обер-прокурор! Я сын знаменитого профессора-идеалиста Голубкова и сам приват-доцент, бегу из Петербурга к вам, к белым, потому что в Петербурге работать невозможно.

Д е Б р и з а р. Очень приятно. Ноев ковчег!

Кованый люк в полу открывается, из него подымается дряхлый И г у м е н, а за ним – х о р м о н а х о в со свечами.

И г у м е н (Африкану). Ваше высокопреосвященство! (Монахам.) Братие! Сподобились мы владыку от рук нечестивых социалов спасти и сохранить!

Монахи облакают взволнованного Африкана в мантию, подают ему жезл.

Владыко. Прими вновь жезл сей, им же утверждай паству...

Африкан. Воззри с небес, Боже, и виждь и посети виноград сей, его же насади десница твоя!

Монахи (внезапно запели). ??? ????????? ??????????[2 - Греческая молитва. «На все века, владыка!»]

В дверях вырастает Чарнота, с ним – Люська.

Чарнота. Что вы, отцы святые, белены объелись, что ли? Не ко времени эту церемонию затеяли! Ну-ка, хор!.. (Показывает жестом – «уходите».)

Африкан. Братие! Выйдите!

Игумен и монахи уходят в землю.

Чарнота (Африкану). Ваше высокопреосвященство, что же это вы тут богослужение устроили? Драпать надо! Корпус идет за нами по пятам, ловят нас! Нас Буденный к морю придушит! Вся армия уходит! В Крым идем! К Роману Хлудову под крыло!

Африкан. Всеблагий Господи, что же это? (Схватывает свой тулуп.) Двухолки с вами-то есть? (Исчезает.)

Чарнота. Карту мне! Свети, Крапилин! (Смотрит на карту.) Все заперто! Гроб!

Люська. Ах ты, Крапчиков, Крапчиков!..

Чарнота. Стой! Щель нашел! (Де Бризару.) Возьмешь свой полк, пойдешь на Алманайку. Притянешь их немножко на себя, тогда на Бабий Гай и переправляйся хоть по глотку! Я после тебя подамся к молоканам на хутора, с донцами, и хоть позже тебя, а выйду на Арабатскую стрелу, там соединимся. Через пять минут выходи!

Д е Б р и з а р. Слушаю, ваше превосходительство.

Ч а р н о т а. Ф-фу!.. Дай хлебнуть, полковник.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, вы слышите? Белые уезжают. Нам надо бежать с ними, иначе мы опять попадем в руки к красным. Серафима Владимировна, почему вы не отзываетесь, что с вами?

Л ю с ь к а. Дай и мне.

Де Бризар подает фляжку Люське.

Г о л у б к о в (Чарноте). Господин генерал, умоляю вас, возьмите нас с собой! Серафима Владимировна заболела... Мы в Крым бежим... С вами есть лазарет?

Ч а р н о т а. Вы в университете учились?

Г о л у б к о в. Конечно, да...

Ч а р н о т а. Производите впечатление совершенно необразованного человека. Ну, а если вам пуля попадет в голову на Бабьем Гае, лазарет вам очень поможет, да? Вы бы еще спросили, есть ли у нас рентгеновский кабинет. Интеллигенция!.. Дай-ка еще коньячку!

Л ю с ь к а. Надо взять. Красивая женщина, красным достанется.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, подымайтесь! Надо ехать!

С е р а ф и м а (глухо). Знаете что, Сергей Павлович, мне, кажется, действительно нездоровится... Вы поезжайте один, а я здесь в монастыре прилягу... мне что-то жарко...

Г о л у б к о в. Боже мой! Серафима Владимировна, это невысказано! Серафима Владимировна, подымайтесь!

С е р а ф и м а. Я хочу пить... и в Петербург...

Г о л у б к о в. Что же это такое?..

Л ю с ь к а (победоносно). Это тиф, вот что это такое.

Д е Б р и з а р. Сударыня, вам бежать надо, вам худо у красных придется. Впрочем, я говорить не мастер. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

К р а п и л и н. Так точно, ехать надо.

Г о л у б к о в. Серафима Владимировна, надо ехать...

Д е Б р и з а р. Крапилин, ты красноречив, уговори даму!

К р а п и л и н. Так точно, ехать надо!

Д е Б р и з а р (глянул на браслет-часы). Пора! (Выбегает.)

Послышалась его команда: «Садись!» – потом топот.

Л ю с ь к а. Крапилин! Подымай ее, бери силой!

К р а п и л и н. Слушаюсь! (Вместе с Голубковым подымают Серафиму, ведут под руки.)

Л ю с ь к а. В двуколку ее!

Уходят.

Ч а р н о т а (один, допивает коньяк, смотрит на часы). Пора.

И г у м е н (вырастает из люка). Белый генерал! Куда же ты? Неужто ты не отстоишь монастырь, давший тебе приют и спасение?!

Ч а р н о т а. Что ты, папаша, меня расстраиваешь? Колоколам языки подвяжи, садись в подземелье! Прощай! (Исчезает.)

Послышался его крик: «Садись! Садись!» – потом страшный топот, и все смолкает. Паисий появляется из люка.

П а и с и й. Отче игумен! А отец игумен! Что ж нам делать? Ведь красные прискачут сейчас! А мы белым звонили! Что же нам, мученический венец принимать?

И г у м е н. А где ж владыко?

П а и с и й. Ускакал, ускакал в двуколке!

И г у м е н. Пастырь, пастырь недостойный!.. Покинувший овцы своя! (Кричит глухо в подземелье.) Братие! Молитесь!

Из-под земли глухо послышалось: «Святителю отче Николае, моли Бога о нас...». Тьма съедает монастырь. Сон первый кончается.

Сон второй

...Сны мои становятся все тяжелее...

Возникает зал на неизвестной и большой станции где-то в северной части Крыма. На заднем плане зала необычных размеров окна, за ними чувствуется черная ночь с голубыми электрическими лунами.

Случился зверский, непонятный в начале ноября в Крыму мороз. Сковал Сиваш, Чонгар, Перекоп и эту станцию. Окна оледенели, и по ледяным зеркалам время от времени текут змеиные огненные отблески от проходящих поездов. Горят переносные железные черные печки и керосиновые лампы на столах. В глубине, над выходом на главный перрон, надпись по старой орфографии: «Отделение оперативное». Стеклянная перегородка, в ней зеленая лампа казенного типа и два зеленых, похожих на глаза чудовищ, огня кондукторских фонарей. Рядом, на темном облупленном фоне, белый юноша на коне копьем поражает чешуйчатого дракона. Юноша этот – Георгий Победоносец, и перед ним горит граненая

разноцветная лампада. Зал занят б е л ы м и ш т а б н ы м и о ф и ц е р а м и. Большинство из них в башлыках и наушниках. Бесчисленные полевые телефоны, штабные карты с флажками, пишущие машинки в глубине. На телефонах то и дело вспыхивают разноцветные сигналы, телефоны поют нежными голосами.

Штаб фронта стоит третьи сутки на этой станции и третьи сутки не спит, но работает, как машина. И лишь опытный и наблюдательный глаз мог бы увидеть беспокойный налет в глазах у всех этих людей. И еще одно – страх и надежду можно разобрать в этих глазах, когда они обращаются туда, где некогда был буфет первого класса.

Там, отделенный от всех высоким буфетным шкафом, за конторкой, съезжившись на высоком табурете, сидит Р о м а н В а л е р ь я н о в и ч Х л у д о в. Человек этот лицом бел, как кость, волосы у него черные, причесаны на вечный неразрушимый офицерский пробор. Хлудов курнос, как Павел, брит, как актер, кажется моложе всех окружающих, но глаза у него старые. На нем солдатская шинель, подпоясан он ремнем по ней не то по-бабьи, не то как помещики подпоясывали шлафрок. Погоны суконные, и на них небрежно нашит черный генеральский зигзаг. Фуражка защитная, грязная, с тусклой кокардой, на руках варежки. На Хлудове нет никакого оружия.

Он болен чем-то, этот человек, весь болен, с ног до головы. Он морщится, дергается, любит менять интонации. Задает самому себе вопросы и любит сам же на них отвечать. Когда хочет изобразить улыбку, скалится.

Он возбуждает страх. Он болен – Роман Валерьянович.

Возле Хлудова, перед столом, на котором несколько телефонов, сидит и пишет исполнительный и влюбленный в Хлудова есаул Г о л о в а н.

Х л у д о в (диктует Головану). «...Запятая. Но Фрунзе обозначенного противника на маневрах изображать не пожелал. Точка. Это не шахматы и не Царское незабвенное Село. Точка. Подпись – Хлудов. Точка».

Г о л о в а н (передает написанное кому-то). Зашифровать, послать главнокомандующему.

П е р в ы й ш т а б н о й (осветившись сигналом с телефона, стонет в телефон).
Да, слушаю... слушаю... Буденный?.. Буденный?..

В т о р о й ш т а б н о й (стонет в телефон). Таганаш... Таганаш...

Т р е т и й ш т а б н о й (стонет в телефон). Нет, на Карпову балку...

Г о л о в а н (осветившись сигналом, подает Хлудову трубку). Ваше
превосходительство...

Х л у д о в (в трубку). Да. Да. Да. Нет. Да. (Возвращает трубку Головану.) Мне
коменданта.

Г о л о в а н. Коменданта!

Голоса-эхо побежали: «Коменданта, коменданта!» К о м е н д а н т, бледный,
косящий глазами, растерянный офицер в красной фуражке, пробегает между
столами, предстает перед Хлудовым.

Х л у д о в. Час жду бронепоезд «Офицер» на Таганаш. В чем дело? В чем дело? В
чем дело?

К о м е н д а н т (мертвым голосом). Начальник станции, ваше
превосходительство, доказал мне, что «Офицер» пройти не может.

Х л у д о в. Дайте мне начальника станции.

К о м е н д а н т (бежит, на ходу говорит кому-то всхлипывающим голосом). Что
ж я-то поделаю?

Х л у д о в. У нас трагедии начинаются. Бронепоезд параличом разбило. С палкой
ходит бронепоезд, а пройти не может. (Звонит.)

На стене вспыхивает надпись: «Отделение контрразведывательное». На звонок из стены выходит Т и х и й, останавливается около Хлудова, тих и внимателен.

Х л у д о в (обращается к нему). Никто нас не любит, никто. И из-за этого трагедии, как в театре все равно.

Тихий тих.

Х л у д о в (яростно). Печка с угаром, что ли?

Г о л о в а н. Никак нет, угару нет.

Перед Хлудовым предстает К о м е н д а н т, а за ним Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и.

Х л у д о в (Начальнику станции). Вы доказали, что бронепоезд пройти не может?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (говорит и движется, но уже сутки человек мертвый). Так точно, ваше превосходительство. Физической силы-возможности нету! Вручную сортировали и забили начисто, пробка!

Х л у д о в. Вторая, значит, с угаром?

Г о л о в а н. Сию минуту! (Кому-то в сторону.) Залить печку!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Угар, угар.

Х л у д о в (Начальнику станции). Мне почему-то кажется, что вы хорошо относитесь к большевикам. Вы не бойтесь, поговорите со мной откровенно. У каждого человека есть свои убеждения, и скрывать их он не должен. Хитрец!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (говорит вздор). Ваше высокопревосходительство, за что же такое подозрение? У меня детишки... еще при государе императоре Николае Александровиче... Оля и Павлик, детки... тридцать часов не спал, – верьте Богу! – и лично председателю Государственной думы Михаилу Владимировичу Родзянко известен. Но я ему, Родзянко, не сочувствую... У меня дети...

Х л у д о в. Искренний человек, а? Нет? Нужна любовь, а без любви ничего не сделаешь на войне! (Укоризненно, Тихому.) Меня не любят. (Сухо.) Дать сапер. Толкать, сортировать. Пятнадцать минут времени, чтобы «Офицер» прошел за выходной семафор! Если в течение этого времени приказание не будет исполнено, коменданта арестовать! А начальника станции повесить на семафоре, осветив под ним подпись «Саботаж».

Вдали в это время слышался нежный медленный вальс. Когда-то под этот вальс танцевали на гимназических балах.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (вяло). Ваше высокопревосходительство, мои дети еще в школу не ходили...

Тихий берет Начальника станции под руку и уводит. За ними – Комендант.

Х л у д о в. Вальс?

Г о л о в а н. Чарнота подходит, ваше превосходительство.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (за стеклянной перегородкой оживает, кричит в телефон). Христофор Федорович! Христом-Богом заклинаю: с четвертого и пятого пути все составы всплошную гони на Таганаш! Саперы будут! Как хочешь толкай! Господом заклинаю!

Н и к о л а е в н а (появилась возле Начальника станции). Что такое, Вася, что?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Ох, беда, Николаевна! Беда над семьей! Ольку, Ольку волоки сюда, в чем есть волоки!

Н и к о л а е в н а. Ольку? Ольку? (Исчезает.)

Вальс обрывается. Дверь с перрона открывается, и входит Ч а р н о т а, в бурке и папахе, проходит к Хлудову. Л ю с ь к а, вбежавшая вместе с Чарнотой, остается в глубине у дверей.

Ч а р н о т а. С Чонгарского дефиле, ваше превосходительство, сводная кавалерийская дивизия подошла.

Хлудов молчит, смотрит на Чарноту.

Ваше превосходительство! (Указывает куда-то вдаль.) Что же это вы делаете? (Внезапно снимает папаху.) Рома! Ты генерального штаба! Что же ты делаешь? Рома, прекрати!

Х л у д о в. Молчать!

Чарнота надевает папаху.

Обоз бросите здесь, пойдете на Карпову балку, станете там.

Ч а р н о т а. Слушаю. (Отходит.)

Л ю с ь к а. Куда?

Ч а р н о т а (тускло). На Карпову балку.

Л ю с ь к а. Я с тобой. Бросаю я этих раненых и Серафиму тифозную.

Ч а р н о т а (тускло). Можешь погибнуть.

Л ю с ь к а. Ну и слава Богу! (Уходит с Чарнотой.)

Послышалось лязганье, стук, потом страдальческий вой бронепоезда. Н и к о л а е в н а врывается за перегородку, тащит О л ь к у, закутанную в платок.

Н и к о л а е в н а. Вот она, Олька, вот она!

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и (в телефон). Христофор Федорович, дотянул?! Спасибо тебе, спасибо! (Схватывает Ольку на руки, бежит к Хлудову.)

За ним – Т и х и й и К о м е н д а н т.

Х л у д о в (Начальнику станции). Ну что, дорогой, прошел? Прошел?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Прошел, ваше высокопревосходительство, прошел!

Х л у д о в. Зачем ребенок?

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Олечка, ребенок... способная девочка. Служу двадцать лет и двое суток не спал.

Х л у д о в. Да, девочка... Серсо. В серсо играет? Да? (Достает из кармана карамель.) Девочка, на! Курить доктора запрещают, нервы расстроены. Да не помогает карамель, все равно курю и курю.

Н а ч а л ь н и к с т а н ц и и. Бери, Олюшенька, бери... Генерал добрый. Скажи, Олюшенька, «мерси»... (Подхватывает Ольку на руки, уносит за перегородку, и Николаевна исчезает с Олькой.)

Опять слышался вальс и стал удаляться. Из двери, не той, в которую входил Чарнота, а из другой, входит П а р а м о н И л ь и ч К о р з у х и н. Это необыкновенно европейского вида человек в очках, в очень дорогой шубе и с портфелем. Подходит к Головану, подает ему карточку. Голован передает карточку Хлудову.

Х л у д о в. Я слушаю.

К о р з у х и н (Хлудову). Честь имею представиться. Товарищ министра торговли Корзухин. Совет министров уполномочил меня, ваше превосходительство, обратиться к вам с тремя запросами. Я только что из Севастополя. Первое: мне поручили узнать о судьбе арестованных в Симферополе пяти рабочих, увезенных, согласно вашего распоряжения, сюда в ставку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Тысяча извинений, мадам! (франц.)

2

Греческая молитва. «На все века, владыка!»

Купить: <https://tellnovel.com/mihail-bulgakov/beg>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)